

Цюй Дубянь даже не подозревал, что побывал на императорском совете.

Смутный гул голосов, доносившийся до его слуха, казался то усыпляющей колыбельной, то раздражающим шумом, мешавшим провалиться в глубокий сон. Впрочем, его состояние сложно было назвать сном: в подсознании всё ещё пульсировало тягостное ощущение болезни третьего уровня. Стоило ему в полузабытьи начать капризно хныкать, как чья-то ладонь тут же мягко, но настойчиво зажимала ему рот.

Мальчику это быстро надоело. Когда рука в очередной раз прервала его жалобную попытку подать голос, он, недолго думая, со всей детской непосредственностью вцепился в неё зубами.

Так, в атмосфере приглушённого шёпота и тайного противоборства, завершился утренний совет, на котором официально решалась участь рода Чу.

Приговор был суров: благородной госпоже Чу даровали смерть, её брата и подельников, замешанных в контрабанде, приговорили к немедленной казни через три дня. Остальные родственники в трёх коленах ждали истребления после осеннего равноденствия. Родне до девятого колена в трёх поколениях впредь запрещалось занимать государственные должности. Все подробности указа были занесены в архив.

Когда совет закончился, чиновники потянулись к выходу, обмениваясь церемонными поклонами. Стоило им отойти подальше от дворца Цяньцзи, как между старыми знакомыми завязались бурные обсуждения.

— Вы видели?! Государь пришёл с ребёнком на руках?!

— Должно быть, это Седьмой принц. Говорят, вчера он так сильно испугался, что едва не отдал душу богам. Во дворце Цзычэнь всю ночь огни не гасли.

Собеседник лишь изумлённо цокнул языком:

— Но ведь не на совет же его тащить! Где это видано? Что за нарушение приличий?

Се Цзиншань, проходивший мимо, вежливо сложил руки:

— Ах, господа, если вам так претит это зрелище, отчего бы не подать жалобу в Цензорат? Пусть цензоры составят обличительный доклад. Глядишь, Его Величество признает свою неправоту.

— Ну что вы, господин заместитель министра, — поспешно замахал руками чиновник, — мы

ничего не видели и не слышали! Так, переговариваемся по-соседски.

Министры не были дураками. Раз император окружил трон ширмами и принёс сына, значит, не желал лишних расспросов. И даже если это нарушало протокол, все видели в этом лишь проявление безмерной отцовской любви. Выступить с протестом сейчас — значило навлечь на себя гнев государя. Если уж цензоры, чья работа — искать изъяны, внезапно ослепли и оглохли, то остальным и подавно не стоило соваться.

В отношениях между монархом и подданными иногда полезно закрывать глаза на очевидное.

Се Цзиншань проводил их взглядами и покачал головой. Подумать только: император Чунчжао, всегда столь холодный и величественный, уподобился простому отцу, который не отходит от колыбели больного дитя.

Цзиншань не считал это «убийством похвалой» — Семёрка был слишком мал, чтобы всерьёз конкурировать со старшими братьями, на которых было сосредоточено всё внимание двора. Однако он предчувствовал: если так пойдёт и дальше, у других младших принцев может затаиться обида. Сердце человеческое по природе своей предвзято, и чем больше Чунчжао вкладывал в Седьмого сына, тем чаще его взор будет невольно обращаться именно к нему.

— Скорее! Помогите мне!

Вернувшись во дворец Цзычэнь, Чунчжао, который всю дорогу от залы совета сохранял напускное спокойствие, мгновенно преобразился. Лицо его исказилось от досады, и он в отчаянии протянул руку слугам:

— Отцепите его от меня!

Евнух Юй подскочил к нему и, заглянув в лицо государю, невольно поморщился:

— Боги милосердные! Как же он вас изгрыз?!

Маленький принц крепко зажмурился, но его челюсти были намертво сомкнуты на правой руке императора — в мягкой ткани между большим и указательным пальцами. Глубокие следы зубов и ссадины красовались по всей кисти.

Евнух поспешно омыл руки и вместе с Е Сяюанем принялся осторожно вызволять ладонь Чунчжао из этого живого капкана.

— Ваше Величество, что же вы молчали?! — сокрушался Юй. — Вам же больно!

Чунчжао лишь сердито тряхнул рукой.

— Я был на совете! Как я мог что-то сказать? Тсс... ну и силища у этого мальчика.

Гордость не позволила императору обнаружить свою слабость перед чиновниками, и он терпел до последнего, пока не оказался в безопасности своих покоев.

Императорский лекарь Ян наложил повязку на истерзанную руку государя. Чунчжао, придирчиво осмотрев бинты, скомандовал:

— Замотай мне и пальцы. Не могу же я принимать министров с отпечатками зубов на руках.

— Слушаюсь, — отозвался Ян, а закончив с императором, переключил всё внимание на Дубяня.
— Жар всё не спадает. Ваше Величество, Его Высочество так и не приходил в себя?

— Во время совета он едва не проснулся от шума, — ответил Чунчжао.

Лекарь Ян пребывал в растерянности. За годы практики он повидал немало недугов, но никак не мог понять, почему температура Седьмого принца не поддаётся лечению. В прошлый раз всё было точно так же.

«При таком жаре можно и рассудка лишиться», — с тревогой подумал он.

— Не стоит укрывать принца слишком тепло. Лучше обтирать тело вином, а я пока приготовлю новый отвар. Если Его Высочество проснётся, обязательно покормите его — ему нужны силы.

Стоило лекарю договорить, как у Дубяня дрогнули уши. Мальчик, до этого безучастно лежавший на кровати, медленно приподнялся и уставился на Чунчжао затуманенным взглядом.

— ...Кушать.

Чунчжао замер.

— Быстрее! Приготовьте то, что любит Седьмой принц!

Дубянь понурил голову, и она бессильно качнулась вперёд. Чунчжао подставил ладонь, удерживая лоб сына, и тот, совершенно не желая тратить силы, сонно зевнул, опираясь на руку отца.

— Хочу... еду наложницы Сюань и госпожи Го...

Он всё ещё помнил о своём уговоре с «обеденными подругами». В затуманенном мозгу всплыл образ тарелки с нелепой на вид похлёбкой, и он добавил:

— В тот день... на праздник... тоже хочу.

«Лоб пылает так, что руки можно греть, а он всё о еде думает», — промелькнуло в голове у императора.

— Пошлите кого-нибудь во дворец Шуньнин. А что до праздничного угощения...

Е Сяюань, всё ещё помнивший старые обиды, буркнул:

— Это из Управления императорского стола приносили.

— Вовсе нет, — поправил его Чунчжао. — Это была солёная похлёбка из пшеницы по рецепту семьи Сюй, кислый суп для детей. — Помолчав, он распорядился: — Евнух Бао, ступай к Сюй Цзяньяню... Нет, у него выйдет невкусно, да и выглядит его стряпня безобразно. Поезжай в поместье Маркиза, Держащего Меч. Попроси порцию у старой госпожи Хоу.

Е Сяюань застыл. Обида сменилась неловкостью, и он мысленно вычеркнул одну строчку из своей книжечки мести.

— Слушаюсь! — воскликнул евнух Бао. — Доставлю в лучшем виде, пока не остыло!

Слуги поспешили во дворец Шуньнин, а евнух Бао, оседлав самого резвого коня, помчался напрямик к поместью Маркиза.

Поместье Сюй

Сюй Тинфэн и не подозревал, что император столь невысокого мнения о его кулинарных талантах. Он несколько раз громко чихнул и списал это на неважную погоду.

Вчера он получил весточку от тётушки из поместья Маркиза, в которой та иносказательно поведала об участии семьи Чу. Приговор был предрешён, и если для рода Чу это означало конец, то для других — лишь начало. Торговые дела семьи Чу в квартале Баоцзян на реке Учэнь были обширны: люди умрут, но богатства останутся.

Дядя был на Северных землях, тётя не могла открыто вмешиваться в такие дела, а семья второго дяди была слишком глупа и озабочена лишь тем, как бы выслужиться перед властью.

Никто из них не подходил на роль того, кто сможет отомстить за маленького племянника. Раз уж Чу посмели поднять руку на принца, не стоит винить других в том, что они столкнули их в пропасть.

Квартал Баоцзян был далеко от столицы, и торговля там процветала. Сейчас был самый подходящий момент, чтобы перехватить несколько чистых торговых путей и приберечь их для племянника — пусть будут ему на карманные расходы.

За окном качались ветви бамбука. Тинфэн, сидя в инвалидном кресле, расставил на доске камни. Напротив него сидел молодой человек в фиолетовых одеждах, его ровесник.

— Я уже уезжаю, помогаю тебе во всём, а ты напоследок решил обыграть меня в шахматы?

Тинфэн улыбнулся:

— Сегодня сыграем в другое. Слышал про гомоку?

Скучающий взгляд юноши мгновенно сменился азартом:

— О! Про это знаю! Давай, неси камни!

Тинфэн промолчал, лишь загадочно улыбнулся. Через минуту ликование на лице гостя сменилось недоумением. Он замахал руками в притворном гневе:

— В гомоку я проиграл ещё быстрее! Ты нарочно это устроил, признайся!

— Вейци слишком медлительна, а путь к реке Учэнь требует стремительности, — Тинфэн грациозно сложил руки в прощальном жесте. — Дарю тебе быструю партию и желаю столь же быстро добраться до Баоцзяна. Счастливого пути.

Юноша фыркнул:

— Умеешь же ты красиво говорить. Не беспокойся, всё будет исполнено.

Над поместьем Маркиза, Держащего Меч, поднялся дымок.

Старая госпожа Хоу самолично хлопотала у плиты. Это блюдо она знала в совершенстве. Время поджिमало, и на подмогу пришла мама Фан. Вдвоём они быстро управились, и вскоре котелок с настоящей солёной похлёбкой из пшеницы был готов.

Госпожа Хоу едва ли не силой впинула котелок в руки евнуху Бао.

— Столько не съесть, госпожа, честное слово, — пытался возражать тот.

— А я боюсь, что мой Седьмой принц останется голодным! Бери, сколько дают. Ах, чуть не забыла! — Она поспешно выудила пакет с лекарственными пилюлями в маленьких зелёных бутылочках. — Если отвары пить не станет, попробуйте дать это. Слыхала я, что принц испугался, да ещё и простудился на ветру. Эти пилюли в пограничной армии всегда используют, они верное средство. Пусть лекари посмотрят и скажут, какую дозу давать ребёнку.

— Слушаюсь.

— И вот ещё кое-что...

Спустя четверть часа евнух Бао, обвешанный тюками и свертками, под ободряющим взглядом госпожи Хоу с трудом взобрался на коня. К тому времени, как он, измотанный, добрался до дворца, Дубянь уже вовсю уплетал еду, присланную из дворца Шуньнин.

Стряпня госпожи Го была с кислинкой и остринкой — именно так, как любил мальчик. Блюда императорской кухни были хороши, но слишком часто грешили сладостью, которая быстро приедалась.

Когда подали кислый суп, он был ещё горячим. Дубянь принялся — аромат был густым и аппетитным.

— Что ещё велела передать госпожа Хоу? — спросил Чунчжао.

Бао разложил приношения на столе:

— Лекарства от жара, маленькую травяную подушечку «от всех болезней» и всякие сладости. Передала только вещи, наказов никаких не давала.

— Хм.

Взгляд императора замер на маленькой подушечке. Он вспомнил, что Юэцин тоже собиралась сделать такую — сама выбирала травы, но не успела закончить. Старая госпожа Хоу жила в столице одна, должно быть, ей было тоскливо. Подушку она, верно, приготовила заранее и просто ждала случая передать.

— Твоя бабушка очень тебя любит, — произнёс Чунчжао. — Будет время, навести её.

Дубянь замер. Он медленно снизил уровень симуляции до нуля, возвращая мозгу ясность.

Семья Сюй была его родней по матери, и он не мог игнорировать этот факт. От Е Сяюаня он по крохам собирал сведения о них. Его «папаша» был императором — человеком гордым и подозрительным. Его дед по матери держал в руках военную мощь на Севере, и Чунчжао просто не мог не опасаться такого влияния. Мир сохранялся лишь потому, что у старого маркиза не было наследника-мужчины.

Дубянь не сомневался: рано или поздно Чунчжао пошлёт на Север новых людей, чтобы постепенно заменить деда и забрать армию под свой контроль. Но если он, принц, начнёт сближаться с поместьем Маркиза, если старик откажется отдавать власть, почувяв возможность возвести внука на трон... тогда «папаша» лишится сна.

По логике этого подозрительного старика, он должен был, наоборот, всячески препятствовать их общению. Сближение возможно лишь тогда, когда на Севере появится верный императору преемник. Дубянь не верил, что пара дней семейной идиллии заставит монарха поступиться властью.

«Значит, это проверка?» — мелькнуло в голове у мальчика.

Придя к такому выводу, Дубянь капризно пнул подушечку:

— Не хочу! Дырявая и старая!

— Что?! — Чунчжао не поверил своим ушам. — Это сделала твоя бабушка своими руками! Мать твоей матери!

— Уродливая и грязная!

Мальчик даже похлопал себя по пяткам, показывая пренебрежение.

— Никакая она мне не бабушка. Не знаю её и знать не хочу. У меня есть подушки получше!

Чунчжао смотрел на отброшенную подушку, и перед его глазами встал образ Юэцин, которая, будучи беременной, с трудом шила такие вещи. Он вспомнил, как старая госпожа Хоу, узнав о первой болезни внука, примчалась во дворец и молила его на коленях... В груди императора вспыхнул гнев. На лбу его вздулась вена.

— Ты хоть понимаешь, сколько ей лет?! Она приготовила это для тебя заранее, а в тебе нет ни капли благодарности?!

Дубянь лишь сонно зевнул:

— Я наелся. Хочу спать.

— Ты...

Чунчжао велел поднять подушку, небрежно отряхнул её, а затем сорвал ту, на которой лежал Дубянь, и подложил под голову сыну травяной подарок.

— Будешь спать на этой! — отрезал он ледяным тоном.

— Ну и ладно, — Дубянь выудил листок бумаги и угольный карандаш. Улёгшись, он принялся лениво что-то рисовать. — Как хочешь. Мне всё равно.

Его безразличие злило императора больше любых криков. Чунчжао замялся, а потом заговорил наставительно:

— Госпожа Хоу — твоя бабушка. Пусть ты и принц, но ты обязан почитать старших. Она добра к тебе, и ты должен отвечать ей сыновним почтением.

Мальчик кивал с крайне рассеянным видом:

— Ага, ага... — Он снова зевнул. — Ну, я потом отправлю ей какие-нибудь подарки в ответ, и всё. Тем более, отец мне скоро новую маму выберет.

Чунчжао глубоко вздохнул. «Значит, прежние связи уже не важны?»

Изначально император планировал, что через несколько лет позволит Семёрке сблизиться с поместьем Маркиза — у каждого принца должна быть опора среди родни для равновесия сил. Но он точно знал, что пресёк бы это сближение, если бы оно стало слишком тесным до того, как армия вернётся в его руки.

Однако эта подушечка всколыхнула в нём тоску по Юэцин. Он видел, как слаб Семёрка, и думал, что в общении с одинокой старухой нет ничего дурного. Он и помыслить не мог, что ребёнок окажется столь чёрствым. Если он так относится к бабушке, то сколько он будет помнить свою покойную мать?

Кого бы Чунчжао ни представлял на месте госпожи Хоу, ему становилось не по себе. Глядя на маленькую подушечку, которую его сын теперь использовал едва ли не как подставку для ног, он почувствовал странный укол сочувствия.

Пожалуй, на этот Новый год стоит отправить этого сорванца навестить старуху. Она столько хлопотала, а в ответ получила лишь капризы — нелегко ей приходится.

<http://bllate.org/book/16117/1590432>